

ЗАРОЖДЕНИЕ АНГЛОМАНИИ И АНГЛОФИЛЬСТВА В РОССИИ

Автор: Т. Л. ЛАБУТИНА

Лабутина Татьяна Леонидовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Процесс "вестернизации" правящей элиты в России длился не одно столетие. Насильственный слом патриархального уклада России начался в годы правления Петра I. Эталонами для подражания при реформировании общества для русского царя стали западноевропейские страны, в первую очередь, Англия. Данный процесс продолжился в постпетровскую эпоху, в особенности в правление Екатерины II, что побудило ряд историков (Э. Симмонс, Д. Хорн, Э. Кросс, А. Б. Соколов, Е. В. Потемкина)¹ говорить о зарождении в екатерининской России таких явлений, как англomanия и англофильство.

Потемкина под "англomanией" понимает "активное стремление определенной части русского общества, прежде всего дворянства, к познанию английской культуры и перенесению отдельных элементов английского стиля жизни на русскую почву"². В то время, как Кросс, Соколов, Потемкина зарождение англomanии связывают с правлением Екатерины II, П. Боборыкин считал, что интерес к английскому языку и жизни Англии обострился только после Отечественной войны 1812 года. Именно тогда английские авторы - романисты, публицисты, критики, моралисты - стали переводиться на русский язык, а детей аристократов начали учить английскому языку. К концу царствования Александра I английский стиль сделался модным в большом свете. Вскоре появились английские клубы. Наконец, в течение первых пятнадцати лет правления Николая I средний класс был также вовлечен в "известного рода англomanию"³. Аналогичного мнения придерживался также Н. А. Ерофеев, который утверждал, что "мода на все английское, в том числе и на английский язык" в некоторых кругах русского дворянства стала заметно нарастать в начале XIX века. В то же время Симмонс полагал, что англomanия в России зародилась еще во времена Ивана Грозного⁴.

Сношения Московского государства с Западом завязались задолго до Ивана Грозного, хотя они ограничивались потребностями политики и торговли, еще "не разрастаясь в общую культурную связь"⁵. После женитьбы великого князя Ивана III на племяннице византийского императора Софье Палеолог в 1472 г. в Москве появилось довольно много иностранцев. Получившая образование в Италии, Софья прибыла в Московское государство в сопровождении "целой толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров"⁶. По замечанию современника С. Герберштейна, Софья Палеолог была

стр. 34

женщиной необыкновенно хитрой и имевшей большое влияние на великого князя. Однако ее влияние, утверждал В. О. Ключевский, распространялось лишь на декоративную обстановку, закулисную жизнь московского двора, придворные интриги и личные отношения, но никак не на политические дела. Между тем, позднее, в XVI в., бояре стали приписывать именно Софье все "неприятные нововведения", которые появились при московском дворе после прибытия с ней иностранцев. В XV в. в Москву ехали "на службу"

итальянцы, греки, немцы. Среди них были архитекторы, строители, военные, ювелиры. Антон Фрязин, Аристотель Фиораванти, Марко Руфф, Пьетро Солярио, Алевиз возглавили работы по строительству московского Кремля, его башен, стен и соборов. Вскоре "на виду всего православного народа" была образована целая иноземная колония "немцев". Да, и в самом Кремле, явно не без влияния Софьи, стали заметными перемены. Наметился "сложный и строгий церемониал", с присущей ему чопорностью придворной жизни. В дипломатических бумагах появился новый, "более торжественный язык", "с пышной терминологией", а на печатях Ивана III появился герб - двуглавый орел. Тем самым, утверждал Ключевский, Иван III впервые "отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе"⁷.

При великом князе Василии III сближение с западной культурой продолжалось. Вторая жена князя "литвинка" княжна Елена Глинская, вдвое моложе своего супруга, хотя и не отличалась знатностью, была воспитана в иноземных обычаях, чем заметно выделялась среди московских боярышень. Василий настолько увлекся юной женой, что в угоду ей даже сбрил бороду, нарушив тем самым заветы старины⁸.

При сыне Василия и Елены Глинской - Иване Грозном стали появляться иностранцы среди советников царя - немецкие и польские офицеры, в царский дворец прибывали многочисленные посланники из разных стран. Из Германии и Италии царь Иван IV приглашал на службу офицеров, инженеров, литейщиков, пушкарей, архитекторов. В быт знати начали входить заграничные предметы роскоши: золото в нитях, жемчуг, шелковые и шерстяные ткани, пряности, изделия из металлов. По свидетельству служившего в опричнине немецкого наемника Г. Штадена, в столице было основано несколько поселений для иноземцев на берегах Неглинки и Яузы. Одно время Грозный очень "ласкал" немцев и даже хвастался своим немецким происхождением. Как вспоминал английский посланник Дж. Флетчер, однажды царь, отдавая золотых дел мастеру слитки золота для изготовления посуды, приказал хорошенько посмотреть за весом, заметив при этом: "Русские мои - все воры!". Англичанин улыбнулся: "Ваше Величество забыли, что Вы сами - русский". "Я не русский, - отвечал царь, - предки мои - германцы"⁹.

С прибытием в Московское государство в 1553 г. экспедиции англичанина Р. Ченслера наступила новая веха в истории взаимоотношений России и Запада. Теперь свое внимание царь целиком переключил на англичан. Он даровал им беспрецедентное право на беспошлинную (как оптовую, так и розничную) торговлю на всей территории России, предоставил монопольное право пользоваться северным путем, разрешил торговать в Нарве, Казани, Астрахани, а также дозволил транзитную торговлю в Персию. Англичанам разрешили основать канатные дворы в Холмогорах и Вологде, заниматься рыбным и китовым промыслом, а также искать железо и строить завод на Вычегде. Свои товары английские купцы продавали с огромными барышами, тогда как русское сырье закупали по дешевой цене. В короткое время Московская торговая компания получила огромные прибыли, от 300 до 400 процентов¹⁰. Неудивительно, что королева Елизавета Тюдор высоко оценила "заслуги" русского царя, который своим покровительством открыл поистине баснословные источники обогащения для английского купечества: Иван Грозный получил от королевы Орден Подвязки¹¹.

По утверждению М. А. Алпатова, своим "западничеством" Грозный заметно превосходил боярское окружение. Особенно это проявлялось в его

отношениях с англичанами. В беседах с ними Иван "восхвалял англичан за их смелость и лояльность к своей королеве". Он восхищался их мастерством и умением, приглашая к себе на службу из Англии аптекарей, ювелиров, архитекторов, столяров, плотников. Первые двадцать кораблей, украшенных скульптурами львов, драконов, слонов, единорогов, а также диковинными цветами, были построены для Грозного англичанами. В войске Ивана наряду с поляками, шведами, голландцами стали появляться и выходцы с британских островов: шотландцы и англичане. Первые врачи при царском дворе также были родом из Англии. Один из них - Роберт Яков, прозванный в России Романом Елизаровым, находился "в большом доверии у Грозного и помимо своих врачебных обязанностей исполнял разного рода конфиденциальные поручения". Более того, именно этот доктор сделался своего рода "дипломатическим агентом" королевы, подробно информируя Елизавету обо всем, что происходило при царском дворе¹².

В середине 1560-х годов в англо-русских отношениях наметились осложнения. Военные неудачи Ивана в борьбе за Ливонские земли заставили царя задуматься о военно-политическом союзе с Англией, который он намеревался скрепить династическим браком с королевой Елизаветой. Царь также высказывал пожелание в случае внутренней смуты в своем государстве получить политическое убежище в Англии.

Намерение Ивана Грозного получить политическое убежище в Англии отмечено Дж. Горсеем, находившимся на дипломатической и коммерческой службе в России с 1573 по 1591 год. После того, как крымский хан Девлет-Герей в апреле 1571 г. совершил набег на Москву, спалив город дотла, царь надумал в спешном порядке отстроить столицу заново. Для этой цели он обложил высокими налогами и пошлинами купцов, города и монастыри, "истощая их богатства", чем вызвал к себе ненависть. Видя это, царь размышлял, "как обезопасить себя и свои владения". Кроме того, Иван IV "жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день". Поэтому царь и надумал сыскать убежище в другой стране. У Вологды, писал Горсей, Грозный построил множество судов, барж и лодок, "куда сvez свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, в случае необходимости - на английских кораблях". Бежать царь предполагал не с пустыми руками. Он намеревался отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море - "прямо пути в Англию"¹³.

Около года правительство Англии вместе с королевой обсуждало предложения русского царя. Наконец, 18 мая 1570 г. Елизавета объявила свое решение: в случае мятежа в России принять царя с его семьей в Англии, где он "никакого не понесет ... оскорбления, либо утеснения в вере, но свободно и неудержно может из Англии по желанию своему, куда изволит ехать"¹⁴. Что же касается проекта военно-политического союза, равно как и династического брака, то положительного ответа на данные предложения царь от англичан не получил.

Между тем, Грозный не оставлял своих попыток породниться с английской аристократией. Будучи женатым седьмым браком на Марии Нагой и не разведенным с ее предшественницей - Василисой Мелентьевой, он, тем не менее, весной 1582 г. снарядил посольство Федора Писемского в Англию с целью переговоров о возможном браке с племянницей королевы Мэри Гастингс. Несмотря на то, что посольство в Лондоне, как отмечал Горсей, "приняли с почетом" и королева разрешила повидать "невесту" и даже "написать ее персону для передачи государю", из данной затеи ничего не вышло. Быть может, причиной тому послужил отказ Грозного считать детей от намечавшегося брака с английской аристократкой своими возможными престолонаследниками.

Как бы то ни было, но слухи о возможной женитьбе царя на англичанке и, как следствие этого брака - изменении престолонаследия, не на шутку взбудоражили общественное мнение в Русском государстве. "Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича - семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, - свидетельствовал Горсей, - изыски-

стр. 36

вали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения". Ближайшее окружение царя было недовольно не только стремлением Грозного заключить династический союз с английской аристократкой, но и всей его покровительственной политикой по отношению к англичанам. "Проанглийские симпатии" Ивана вызвали негодование ряда министров и знати, приближенной ко двору. Они подозревали в действиях своего царя "скрытые мотивы". Многие западные историки не без основания усматривали в действиях Ивана IV англomанию¹⁵.

Впрочем, покровительственное отношение Грозного к англичанам не означало, что представителям других государств было отказано в приеме. С середины XVI в. в Московском государстве, по утверждению С. Ф. Платонова, произошел "массовый наплыв западноевропейцев". Главные конкуренты англичан - голландцы появились в Мурманских гаванях, на Северной Двине, в Нарве, Новгороде, на всем пути от Холмогор до Москвы; "немцы" из Ливонии, немцы-купцы из Германии, "рассеянные по всему государству", жили целыми общинами со своими пасторами и молитвенными домами. "Очевидно, что значение иностранцев в Москве за время Грозного выросло настолько, - заключал Платонов, - что стало вопросом для москвичей и давало им повод обвинять царя в отпадении от старого обычая в сторону новоявленной иноземщины". Особенно возмущали русских людей неофициальные формы общения царя с иностранцами. Грозный часто выказывал к ним "расположение и ласку", которая, порой, по мнению русских, "переходила всякую меру". Москвичи "удивлялись и негодовали по поводу той близости, какую допускал государь в своем знакомстве с "варварами"¹⁶.

Еще больше поражало православных жителей Московского государства свободное обсуждение царем с иностранцами религиозных вопросов. Среди москвичей ходили слухи, что Грозный любит вести беседы с ливонскими пленными о различиях между православием и католичеством и даже подумывает о соединении церквей. Наконец, царь разрешил отправление протестантского богослужения и дозволил строительство кирки для иноверцев. Правда, иногда Грозный выходил за рамки толерантности. Как-то в беседе с царем некий пастор сравнил Мартина Лютера с апостолом Павлом, за что получил от Грозного удар посохом по голове с пожеланием "убираться к черту со своим Лютером!" Однако подобный случай являлся скорее исключением. Как правило, Грозный относился к иноверцам терпимо.

Между тем, в народном сознании религиозный вопрос являлся господствующим. Охрана собственной религии от посягательств иноверцев выдвигалась на первый план в сношениях с ними. Согласно существующим русским законам, протестанты не имели права вести с православными никаких бесед о вере, посещать их храмы, нанимать к себе русскую прислугу. Их обязывали носить национальную одежду и селиться в отведенных властями местах за городской чертой. Вступать в брак с "неверными" считалось крайне опасным для православных, а потому подобные браки дозволялись лишь при обращении иноверцев в православие. Нередко, сетовали иностранцы, местные жители относились к

ним, "как к собакам или змеям", не подавали руки, дабы избежать их прикосновения. Однажды англичане зашли в церковь в одном из северорусских монастырей. На стенах храма они увидели роспись картины страшного суда, на которой все праведники были изображены в русском платье, а грешники - в заморском. Само появление иностранцев в церкви вызвало бурю негодования среди прихожан¹⁷.

Естественно, на фоне нетерпимого отношения к иноверцам со стороны русского народа покровительственное отношение царя к ним и даже попытки вступить в брак с представительницами протестантского вероисповедания не могло не вызвать широкого недовольства в российском обществе, прежде всего среди ближайшего окружения царя. В скором времени против царя образовался заговор, жертвой которого стал он сам. 18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался. Примечательно, что многие историки сходятся во мнении по поводу возможной насильственной смерти царя. Так В. И. Корецкий

стр. 37

считал, что в заговоре против Грозного участвовали Борис Годунов, Богдан Бельский и лейб-медик царя голландец Иоганн Эйлоф, приготовивший питье с ядом. Когда яд начал действовать, свидетельствовал Горсей, "произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие в аптеку, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и окоченел". Корецкий полагал, что душили Грозного Годунов и Бельский¹⁸.

Сторонник версии насильственной смерти Грозного А. Б. Соколов отмечал: "Разумеется, недовольство деспотическим правлением Ивана Грозного зрело давно: в обстановке террора никто из приближенных ко двору не мог быть спокоен за свою жизнь, страна опустошена войнами и опричниной, обезлюдели многие города, крестьянство накануне полного закрепощения было близко к взрыву борьбы. И все же именно английские дела... могли стать непосредственным поводом для заговора"¹⁹. Когда английский посланник Боус, который вел переговоры о браке царя с Мэри Гастингс, явился ко двору, дьяк Андрей Щелкалов встретил его словами: "Ваш английский царь умер!" Так стремление Грозного породниться с королевским домом Англии завершилось трагедией для самого царя.

Кончина царя-"англомана" не могла остановить начавшегося в России процесса вестернизации. В ту пору российское общество уже оказалось прочно втянутым в орбиту западного влияния. Придворная и служилая знать вместе с Грозным привыкли общаться с представителями западных держав не только в Москве, но и за ее пределами, в зарубежных поездках. Они приобретали новые знания и навыки, знакомились с западной культурой. Купечество уже не могло обойтись без торговых операций со своими контрагентами. Наконец, и низы московского населения также стали привыкать к общению с "фрягами" и "немцами". Как подчеркивал Платонов, "весь рабочий люд... вступил в деловые связи с иностранными купцами, служил им на пристанях и судах, на сухопутных дорогах и в гостиных дворах... Население тех городов, куда внедрялись на житье или на службу пленные "немцы", привыкало видеть их на улицах и рынках, даже в собственных домах на временном постое"²⁰.

Таким образом, "западничество" Ивана Грозного способствовало открытию для Европы столь замкнутого мира, каким было до него русское государство. Последователь Грозного "ласкатель англичан" Борис Годунов продолжил политику, направленную на еще более

тесное сотрудничество с Западом, в первую очередь, с Англией.

Еще до вступления на царский престол Борис Годунов, пользуясь своими родственными отношениями с царем Федором Ивановичем (супруга царя Ирина доводилась Годунову родной сестрой), сумел добиться влиятельного положения при царском дворе. Очень быстро он завязал отношения с английским двором, прежде всего с королевой Елизаветой и ее посланниками в Московском государстве. В одной из грамот 1586 г., обращаясь к "кровному любительному приятелю" Годунову, королева писала: "И за ту вашу великую любовь к нам, к нашим подданным обереженье, вам много челом бьем и надеемся того, что и вперед вы всегда любви своей не оставите". Как видно, Елизавета прекрасно разбиралась в расстановке сил при царском дворе, хорошо понимала, на кого из приближенных царя она может рассчитывать. В своей ответной грамоте Борис заверял королеву, что будет о ее подданных "печаловаться и держать их под своею рукою,.. славить перед государем и государыней" ее, королевскую "к себе милость и ласку". Слово свое Годунов сдержал и вскоре, благодаря его усилиям, царь Федор Иоанович выдал английским купцам жалованную грамоту, сохранявшую их прежние привилегии в торговле в России. В результате, констатировал С. М. Соловьев, благодаря "кровному любительному приятельству" Елизаветы к Годунову, английские купцы освободились от уплаты пошлин на сумму более, чем 2000 фунтов стерл. в год²¹. Англичане получили торговые привилегии, каковых не имели прежде, признавал Симмонс. В знак признательности своему "лорду-покровителю", как стали величать Годунова англичане, купцы вручили ему дары: 9345 золотых монет, 71 изумруд, золотой перстень, 14 позолоченных сереб-

стр. 38

ряных стопок, 2 запонки с камнем, 100 жемчужин, а также золотую запонку с портретом королевы. По возвращении на родину посланник Дж. Горсей передал Елизавете письма от Годунова и засвидетельствовал его "дружбу и готовность к услугам", а также заверил королеву в том, что Борис Федорович "превыше всех государей и властелинов мира... почитает и мечтает быть полезным ее императорскому ... величеству". Годунов настолько доверял англичанам, что даже подумывал, как в свое время Грозный, об эмиграции в Англию. "Правитель отослал свои богатства в Соловецкий монастырь, - свидетельствовал Горсей. - Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию, считая это самым надежным убежищем и хранилищем в случае необходимости, если бы его туда выжили". Если бы побег Годунова состоялся, то Англия "получила бы большую выгоду от огромной ценности этого богатства", с долей цинизма заключал посланник²².

Проанглийские симпатии Годунова сделались еще более очевидными после его вступления на престол в 1598 году. Королева Елизавета, прознав о воцарении "английского доброхота Бориса", незамедлительно направила грамоту, в которой вспоминала его "прежнюю любовь и раденье" к ее подданным, торгующим в Московском государстве, и выражала надежду, что и впредь любовь Годунова к англичанам "неподвижна будет". "К тому же, мы радуемся, - продолжала королева, - что наш доброхот учинился на таком преславном государстве по избранию всего народа великим государем, и мы с своей стороны рады к вам всякою дружбою и доброхотеньем, где будет возможно, а от вашего величества к нам того же надеемся". Царь Борис в ответной грамоте королеве утверждал: "И мы... хотим бытии в братской любви и... крепкой дружбе,.. и ваших торговых людей,.. как преж сего жаловали, так и впредь жаловати хотим,.. по-прежнему беспошлинно". И действительно, торговые отношения с Англией при Годунове не изменились. По признанию Симмонса, все трения в коммерческих отношениях между

странами к 1593 г. были упразднены. Не случайно, царь Борис высоко почитался английскими купцами как их друг и покровитель²³.

Покровительственное отношение Годунова к англичанам продолжилось и после смерти королевы Елизаветы в 1603 году. Желая добиться подтверждения от русского царя прежних привилегий в торговле, вступивший на престол король Яков I Стюарт передал с послом Т. Смитом богатые дары для Годунова, среди которых преобладала серебряная посуда (блюда, кувшин, кубки, фляги, высокие кружки с крышками) и ткани. Сыну Годунова царевичу Федору был преподнесен отрез бархата малинового цвета и два пистолета. Самому царю подарили нить жемчуга в две тысячи зерен и нарядно украшенную карету. Экипаж произвел неизгладимое впечатление не только на обитателей Кремля, но и на рядовых москвичей, когда запряженный двумя парадными лошадьми перемещался по городу²⁴.

Справедливости ради заметим, что Борис Годунов чествовал не только одних англичан. По утверждению Н. И. Костомарова, "никто из прежних московских царей не отличался такой благосклонностью к иностранцам, как Борис". Он пригласил на царскую службу "ливонских немцев", предоставив им льготы от податей и повинностей, позволил построить в Немецкой слободе протестантскую церковь. Приезжавшие из Германии, Швеции, Франции врачи, аптекари, ученые и военные люди встречали при дворе самый радушный прием. При Годунове особенно заметно увеличилось число иностранных специалистов в армии. Если при Грозном среди воинов чаще всего встречались представители мордвы, черемисов и татар, то теперь в армии Годунова насчитывалось до полутора тысяч таких "иноземцев", как немцы, поляки, литовцы, греки, шотландцы, датчане, шведы. "Давно уже московские государи начали принимать в службу иностранцев, немцев, - отмечал Соловьев, - но никогда еще эти иностранцы не пользовались таким почетом и такими выгодами, как при Борисе". И далее он разъяснял причины подобной "любезности" Годунова в отношении к иностранным военным специалистам. Это, во-первых, желание царя приласкать ливонцев, во-вторых, явное преимущество иностранных ратников перед русскими и, наконец, в-третьих, "подозрительность"

стр. 39

Бориса, который не доверял своим русским, хотел окружить себя иностранцами, вполне ему преданными. Принимая на военную службу иностранцев, царь обещал дворян сделать князьями, а "меньших людей" - боярами. "Мы дадим вам землю, людей и слуг, - заверял их Годунов, - будем водить вас в шелку и золоте, кошельки ваши наполним деньгами". От иностранцев же требовалось всего лишь служить "верой и правдой" самому царю и его наследнику, а также "ни в какие другие государства" не отъезжать²⁵.

При Годунове возросло в стране и количество иностранных купцов, прибывавших не только из Англии, но и Голландии, Германии, Франции. Все они были обласканы царем. К примеру, купцы ливонские, вывезенные в Москву еще при Грозном, получили из царской казны по 300 - 400 рублей займа на бессрочное время и без процентов при условии не выезжать из России без позволения и не распускать за границей "дурных слухов" о государе. Двум из них Борис предоставил жалованные грамоты на звание московских "лучших торговых людей" с правом беспошлинной торговли с иностранными государствами, а также с освобождением их дворов от всяких податей и повинностей. Очевидно, что подобные условия, создаваемые царем для иностранных специалистов, и заставили А. В. Арсеньева признать: "Царствование Бориса Годунова было праздником

для всех иностранцев, как живших в России, так и имевших торговые сношения с нею. Он, предтеча Петра Великого, ласкал и ублажал их, призывал на службу и щедро одаривал"²⁶.

Откровенно прозападные симпатии Годунова проявились и в его династических планах. Как бы продолжая традицию матримониальных проектов Грозного - женитьбы на англичанке - царь Борис также решил породниться с иностранными аристократами, хотя и не сам лично, но через своих детей - дочь Ксению и сына Федора.

Началось все с поисков жениха для дочери Годунова. Согласно русским летописям, Ксения представляла собой "лучший образец тогдашней боярышни": среднего роста, "телом изобильна", белолицая и румяная, с большими и выразительными черными глазами. Дочь Годунова отличалась не только природной красотой, но и благонаравием, здравомыслием, была "навычная в книгах, любительница духовного пения". Любила вышивать и заниматься иконописью. Она знала грамоту, а возможно, и какой-нибудь иностранный язык. Когда Ксении пошел семнадцатый год, Борис надумал выдать ее замуж за шведского принца Густава, надеясь через него подчинить себе Ливонию. К "жениху" отправили послов, а 19 августа 1599 г. его уже торжественно встречали в Московском государстве. Царь Борис пожаловал Густаву в удел Калугу и 10 тыс. рублей. Однако "жених" повел себя далеко не лучшим образом. Даже не предпринимая попытки взглянуть на свою нареченную невесту, он выписал к себе из Данцига приятелей и давнюю возлюбленную Екатерину Катер, вместе с которыми занялся всевозможными "сумасбродствами". Затем, когда все это "жениху" наскучило, он пожелал возвратиться на родину, но встретив отказ со стороны властей, пригрозил, что сожжет Москву. Царь пришел к заключению, что такой зять ему не подойдет, и Густав, лишенный Калуги, в 1601 г. был отправлен "на житье" в Углич.

Между тем, королева Елизавета, отправляя в Россию посланника Ричарда Ли, стремилась подобным планам Годунова всячески препятствовать, опасаясь, как бы русский царь не породнился с Австрийским домом. Одновременно королева предложила в невесты царевичу Федору дочь английского графа Дэрби. Поскольку "невеста" оказалась на несколько лет старше "жениха", ее кандидатуру отклонили. Тогда Елизавета прислала царю для ознакомления целый список своих родственников, чтобы Борис самолично мог выбрать подходящие партии для своих детей. Однако англичане со своими предложениями на этот раз припозднились: в Москве уже ожидали нового "жениха" для Ксении - датского принца Иоанна, младшего брата короля Христиана IV. Как свидетельствовал Горсей, "жених был доблестным, умным, подающим надежды молодым принцем; с помощью его и его союзников царь надеялся совершать чудеса"²⁷.

стр. 40

Прибывшего в Москву жениха встречали с необыкновенной торжественностью. "На встречу ему был выслан особый отряд тысячи полторы конников из русской знати и служивших при дворе татар, немцев, поляков, - повествовал Цветаев, - все были в дорогих одеждах, их красивые кони в серебряной вызолоченной сбруе. Играла музыка". Улицы, по которым продвигалась процессия, были запружены любопытными горожанами в нарядных одеждах. Звонили колокола. Со стен Кремля тайно смотрел на въезд сам государь. Гостей расселили в лучших домах, прислали царский обед из ста блюд, с пивом, медом, винами и водкой. Вся посуда была из золота. Затем состоялась царская аудиенция в Золотой палате. "Как только принц вошел, царь и царевич встали. Принц почтительно приблизился к ним и поклонился, царь и царевич обняли его, поцеловались с ним, посадили рядом и долго разговаривали"²⁸. Невеста, по обычаям того времени, на обеде не присутствовала, но

смогла удовлетворить свое любопытство и взглянуть на жениха из особого скрытого места в верхних коридорах. Иоанн был строен, красив и очень приглянулся Ксении.

Казалось, все складывалось прекрасно. Но вдруг случилась беда: принц внезапно заболел горячкой и вскоре скончался. Горе Ксении и ее отца было безутешным. По свидетельствам очевидца событий английского драматурга У. Джоржа, принц был погребен в алтаре голландской церкви "с царскими почестями"²⁹.

Неудачное сватовство Ксении не помешало Годунову предпринять попытки породниться с заморскими аристократами. Он вновь обратился к английской королеве с просьбой о возможных претендентах для своих детей. Елизавета сообщила, что у нее на примете имеется одна молодая леди, которая вполне может составить партию царевичу Федору. Царь Борис попытался прояснить ситуацию и в апреле 1603 г. направил запрос относительно упомянутой "невесты". Однако ответа он так и не дождался, поскольку к тому времени королева Елизавета скончалась и на английский престол вступил новый монарх - король Яков I Стюарт.

Неудачей обернулось и еще одно предприятие царя, направленное на более тесное сотрудничество с Западом: отправка "студентов" на обучение за границу. В 1601 - 1602 гг. Борис Годунов послал "на учение" в разные страны - Францию, Любек и Англию - 18 "студентов". Судьба большинства из них осталась неизвестной, так как никто из них на родину не вернулся. Лишь немногие сведения сохранились о тех молодых людях, которые были отправлены в Англию. Грамота Бориса Годунова от 22 июня 1602 г. гласила: "По нашему указу посланы в Аглинскую землю для науки разных языков и грамотам Микифорко Григорьев, Афонька Кожухов, Казаринко Давыдов, Федька Кастомаров, а проводить их послан до Вологды и до Архангельского города Парфен Кашинцев". Далее в грамоте указывалось, какие продукты были выданы "студентам" на дорогу из царских "запасов": 4 четверти сухарей, осьмина круп, толокна, 8 полотей мяса, 4 ведра вина "с кабака", 4 ведра уксусу³⁰. Сопровождал "студентов" в Англию "аглинский гость" Иван Ульянов (Джон Меррик). Поскольку в назначенный срок "студенты" домой не возвратились, русское правительство стало периодически направлять ходатайства британским властям, настаивая на возвращении молодых людей. Произошло это уже после Годунова, в правление царя Михаила Романова. Летом 1613 г. он послал в Англию дворянина А. И. Зюзина и дьяка А. Витовтова с наказом узнать о судьбе юношей, отправленных на обучение. Тогда-то и выяснилось, что обучались "русские студенты" в колледжах Винчестера, Итона, Оксфорда и Кембриджа, но никто из них после завершения университетского курса не пожелал возвратиться на родину. В 1618 г. царь направил грамоту в Тайный Совет, настаивая, чтобы англичане возвратили "студентов". На это ему отвечали, что два студента уехали в Ост-Индию, один женился и поселился в Ирландии, четвертый - Никифор Григорьев принял англиканскую веру и стал пастором. И хотя последний проживает в Англии, однако никто его не собирается принуждать вернуться на родину³¹. В 1643 г., во время революции-

стр. 41

онных событий в Англии "новообращенный" англиканец пастор Никифор "пострадал за стойкость в новой вере", лишившись своего прихода в Геттингтоншире. Так попытки Годунова "приобщить" русских "студентов" к западноевропейской образовательной системе провалились.

Между тем, начатый при Иване Грозном процесс вестернизации в России продолжался.

Более того, при Борисе Годунове этот процесс, по мнению Симмонса, сделался более интенсивным. Иностранцы буквально "хлынули" в Москву. Военные и купцы, ремесленники и лекари желали устроиться на службу при богатом царском дворе. Западное влияние затронуло главным образом высшие слои русского общества. Как писал Арсеньев, "боярство и знать уже не глядели волком на иностранца. Тяжеловесное, расшитое золотом, укутанное мехами и высокошапочное боярство, хотя по-прежнему относилось несколько иронически к поджарым иностранным послам и "худо-гам", облаченным в легкий атлас и шелк с лентами, с обтянутыми икрами и в башмаках на манер бабьих, но все-таки это спесивое боярство уже чувствовало, что "немец" куда далеко обогнал его относительно образования, развития художеств, промышленности и торговли. Верхний боярский слой, продолжал он, уже не верил, что за пределами Руси живут люди "с песьими головами", но хорошо знал, что "немцы" могут многому научить русского человека. Молодые люди из знатных семей первыми перенимали внешние атрибуты одежды, манеры поведения и обычаи европейцев. Они брили бороды, использовали такие же, как у них украшения в своих нарядах, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за границей. Сам Борис Годунов "задавал тон", всячески поощряя стремление своих подданных к сближению с европейцами. Все иностранцы признавали "большую любезность" к себе царя Бориса. Он часто и охотно беседовал со многими из них: медиками и дипломатами, учеными и священнослужителями. Поговаривали, что Годунов помышлял открыть в Москве университет. И все же наибольшие симпатии Годунов проявлял к англичанам. Не случайно, большинство ученых, включая современных, называли Бориса Годунова "царем-англоманом"³². И. Любименко подчеркивала, что Борис любил проводить время в иноземном обществе и в своем подмосковном имении Хорошево окружил себя английскими врачами. Близость Годунова к англичанам даже породила в народе после его смерти поверие, будто бы царь не умер, а уехал с казной под видом купца в Англию³³. Однако, как известно, Годунов не успел покинуть свое отечество, хотя, подобно Ивану Грозному, не раз помышлял об этом. 13 апреля 1605 г. царь Борис скончался, по утверждению Костомарова, от отравления ядом. На престол вступил его сын Федор. Правление царя Федора Борисовича было кратковременным: в результате боярского заговора уже в июне того же года он был низложен и вместе со своей матерью задушен. Лжедмитрий двинулся на Москву. Начиналось тяжелое время Смуты.

Итак, интенсивные связи (дипломатические, торговые, культурные) России и Запада начались задолго до Петра I. Очевидно, что "окно в Европу" первым открыл его предок - Иван Грозный. Наиболее активными отношения царей Ивана Грозного и Бориса Годунова были с Англией. Преференции английскому купечеству, покровительственное отношение к английским специалистам, стремление породниться с английскими аристократами и даже проекты политической эмиграции в Англию - все это свидетельствовало об особой привязанности русских царей к Британии. Вполне справедливы утверждения тех ученых, которые признавали англomанию и англофильство Грозного и Годунова. Между тем, влияние британской культуры в XVI - начале XVII вв. в русском обществе в целом было все же невелико, чаще всего оно ограничивалось пределами царского двора. В последующие столетия, особенно в правление Петра I и Екатерины II, это влияние затронет определенные круги политической элиты, но никогда не делается определяющим в общем процессе вестернизации, которому начала подвергаться Россия со времени правления Ивана Грозного. Хотя знакомство российского общества с Западом и обогащало его достижениями передовой культуры,

стр. 42

науки и техники, но одновременно вело к расколу самого общества. Западное влияние распространялось исключительно на высшие слои общества, основная же его часть по-

прежнему оставалась верна своим историческим корням: вере, традициям и укладу жизни. Как показал анализ взаимоотношений России и Англии в XVI в., свою лепту в процесс раскола общества внесли прежде всего сами российские монархи.

Примечания

1. SIMMONS E. J. English Literature and Culture in Russia (1553 - 1840). Cambridge. 1935, p. 8, 16 - 17, 207; HORN D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford. 1967, p. 213; КРОСС Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб. 1996, с. 292 - 293; СОКОЛОВ А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль. 1992, с. 11; ПОТЕМКИНА Е. В. Истоки русской англomanии в середине XVIII в. Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб. 1994.
2. ОЖЕГОВ С. И. Словарь русского языка. М. 1953, с. 19; ПОТЕМКИНА Е. В. Ук. соч., с. 150.
3. БОБОРЫКИН П. Английское влияние в России. - Северный вестник. СПб. 1895, N 10, с. 179 - 180.
4. ЕРОФЕЕВ Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 - 1853 гг. М. 1982, с. 52 - 53; SIMMONS E. J. Op. cit., p. 8, 16 - 17.
5. ПЛАТОНОВ С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л. 1925, с. 9.
6. СКРЫННИКОВ Р. Г. Иван Грозный. М. 1983, с. 62.
7. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 томах. Т. II. М. 1988, с., 113 - 114, 116.
8. СКРЫННИКОВ Р. Г. Ук. соч., с. 5.
9. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Т. 7. М. 1989, с. 48 - 49.
10. Tudor Economic Documents. Principal Navigation. Vol. II. Glasgow. 1973.
11. ЗАГОСКИН Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань. 1891, с. 24.
12. Там же, с. 25.
13. ГОРСЕЙ ДЖ. Записки о России. XVI - начало XVII в. М. 1990, с. 56.
14. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М. 1894, с. 92.
15. ГОРСЕЙ ДЖ. Ук. соч., с. 84; SIMMONS E. J. Op. cit., p. 8.
16. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 25, 27, 32.
17. ЛЮБИМЕНКО И. Англичане в допетровской России. Русская мысль. М. Пг. 1915. Кн. III, с. 76.
18. ГОРСЕЙ ДЖ. Ук. соч., с. 87; КОРЕЦКИЙ В. И. Смерть Грозного царя. - Вопросы истории, 1979, N 9, с. 103.
19. СОКОЛОВ А. Б. Ук. соч., с. 54.
20. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 32 - 34.
21. Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО). Т. 38. СПб. 1883, с. 170, 174; цит. по: СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч., с. 245.
22. SIMMONS E. J. Op. cit., p. 27; СИРИО, с. 250; ГОРСЕЙ ДЖ. Ук. соч., с. 112, 109.
23. СИРИО, с. 260, 281; SIMMONS E.J. Op. cit., p. 30.
24. АРЕЛ М. С., БОГАТЫРЕВ С. Н. Англичане в Москве времен Бориса Годунова (по документам посольства Т. Смита 1604 - 1605 годов). Археографический ежегодник за 1997 год. М. 1997, с. 443 - 444.
25. КОСТОМАРОВ Н. И. Герои смутного времени. Берлин. 1922, с. 45; СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Т. 8, с. 369.
26. АРСЕНЬЕВ А. В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб. 1887, с. 6.

27. ГОРСЕЙ ДЖ. Ук. соч., с. 134.
28. ЦВЕТАЕВ Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М. 1890, с. 450 - 451.
29. ДЖОРЖ У. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). М. 1991, с. 167.
30. СИРИО, с. 424.
31. АЛЕКСАНДРЕНКО В. Участие английского Тайного Совета в дипломатических сношениях Англии с Россией. 1556 - 1649. - Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1889, декабрь, с. 274.
32. SIMMONS E. J. Op. cit., p. 34; АРСЕНЬЕВ А. В. Ук. соч., с. 3 - 4; МОРОЗОВА Л. Е. Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей (конец XV-XVI века). - Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М. 2000, с. 38 - 39; ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 38; ЗАГОРОДНЯЯ И. А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII веке. Россия - Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений. М. 2003, с. 25.
33. ЛЮБИМЕНКО И. Ук. соч., с. 88.